

Человек, который бросился на него, в области левого бока торчал осколок стекла, который под солнечным светом чуть не ослепил всех вокруг.

Красный тут же изменился в лице, побледнев, произнес:

— Ты... ты человека убил.

Шао Ицян, неведомо откуда взяв силы, резко отпустил его и с силой оттолкнул, заставив того упасть в сторону. Сам же, опираясь на стену, поднялся и сразу же оглядел окружающих. На всех лицах читались лишь шок и замешательство.

— Я... человека убил?

Эта мысль, промелькнув в голове, словно вернула его к жизни. Скванно вытянув руку, он попытался проверить дыхание упавшего. Времени было слишком мало, чтобы разобраться в происходящем, и он действовал почти на инстинктах, подсознательно чувствуя, что это неправильно... нет, не просто неправильно, а чудовищно ошибочно!

Эх! Не умер! Дышит!

Сразу же он обернулся к Красному и крикнул:

— Чего застыл, как истукан? Бери людей! Разве он тебе не брат? Глаза что, под мышками затерялись?!

Красный, словно очнувшись, заорал на своих:

— Вы что, не слышали?!

В этот момент со стороны лестницы раздался возглас.

Шао Ицян, пытаясь зажать рану на теле упавшего, смутно осознавая свои действия, услышал звук и, рефлекторно подняв голову, почувствовал, как кровь прилила к лицу. Чэнь Мэн, оказывается, шел за ним и теперь стоял у лестницы, прикрыв рот рукой, ошарашенный.

Сун Баобао, услышав шум из-за двери, понял, что что-то не так. Открыв дверь и выглянув, он чуть не умер от страха. Шао Ицян стоял на коленях, его руки были в крови, а голова была поднята в сторону лестницы.

Он выбежал, схватил его за руку и потянул вверх, торопливо сказав:

— Чего ты застыл, Шао? Бежим!

Шао Ицян с трудом сглотнул, перевел взгляд обратно, но мысли его были в хаосе. Он чувствовал, что его, всегда чистого и опрятного, словно облили грязью.

— Ударил человека — в его уникальной системе морали это определенно относилось к категории «морального падения». Он совершил нечто ужасное, что в его короткой жизни было чем-то из ряда вон выходящим, и все это произошло на глазах у его друга.

Чувство, похожее на стыд, поднялось от копчика к голове, и вскоре его лицо покраснело, почти до кровавого оттенка.

— Не так... Мэн, это не то, что ты видишь...

Шао Ицзянь почти панически бормотал.

Чэнь Мэн, немного помолчав, вдруг подбежал и встал перед ним, его лицо тоже покраснело, но он невнятно и дрожащим голосом произнес:

— ...Прости.

Шао Ицзянь недоуменно спросил:

— За что прости?

Сун Баобао, видя, что они затеяли разговор, заволновался:

— Ты идешь или нет? Если не идешь, я ухожу!

С этими словами он побежал к лестнице.

Шао Ицзянь, ошарашенный поведением Сун Баобао, дрожал от гнева, холодно сказав:

— Ноги-то сами растут, я что, их зашнуровал? Катись — так вовремя!

Сун Баобао, не говоря ни слова, сразу же убежал.

Чэнь Мэн хотел подойти, но запутался в тяжелых шторах, сделав шаг вперед, он упал на колени, оказавшись лицом к лицу с Шао Ицзянем. Он схватил его за запястье, дрожащим голосом сказал:

— Пойдем со мной, ладно?

— Шао Ицзянь! Где ты?

С лестницы донеслась череда звуков, и наверху показалась знакомая голова Янь Яня с его вечной стрижкой.

Шао Ицзянь широко раскрыл глаза, посмотрел на Чэнь Мэна и с недоверием спросил:

— Ты... ты сказал домашним?

Чэнь Мэн, прикусив нижнюю губу, не смея смотреть на него, пробормотал:

— Я бежал за тобой и увидел у входа много людей, боялся, что тебе достанется... Прости.

Кровь Шао Ицзяня похолодела, руки и ноги стали ледяными, в голове была пустота. Он едва слышно прошептал:

— За что прости? Ты... ты не виноват.

— Прости, что сказал домашним? — в голове у него был хаос. С одной стороны, он понимал, что в таких ситуациях, независимо от правоты, нужно сообщать взрослым, и Чэнь Мэн не должен был извиняться за это. С другой стороны, он понимал, что последствия сообщения родным будут для него непосильными.

Чэнь Мэн, увидев, что он застыл, стал трясти его за плечи:

— Шао, Шао, скажи что-нибудь!

Янь Янь также увидел происходящее, его сердце заколотилось, он резко развернулся и побежал вниз, но было уже поздно — бабушка с семьей уже стояла на лестнице, отчетливо видя все на втором этаже.

Старина Чэнь поднялся первым, увидев, что Чэнь Мэн замешан в этой кутерьме, он разозлился. С грозным лицом он подошел, схватил Чэнь Мэна за воротник и отвесил ему пощечину, от которой у того зазвенело в ухе.

— Больше не смей выходить из дома! Держись подальше от этого выродка из семьи Шао!

Папа Шао достал телефон и вызвал скорую, одновременно бросив на Шао Ицяня ледяной взгляд, от которого тот покрылся холодным потом. Он покорно встал, опустил голову и молча подошел к отцу, добровольно сняв с себя толстый свитер, оставшись в одной тонкой футболке.

Краем глаза он заметил кого-то на лестнице, повернул голову и почувствовал, как будто провалился в ледяную пропасть — бабушка Шао, опираясь на старый костыль, стояла на лестнице и смотрела на него.

Бабушка, видимо, наблюдала за ним уже некоторое время, ее лицо было бледным, глаза пустыми, а губы дрожали.

Шао Ицянь почувствовал горечь, опустил голову еще ниже и с сожалением подумал:

«Почему ты всегда создаешь проблемы? Почему не можешь держать себя в руках? Почему не сидишь спокойно дома? Зачем ты связался с этим Сун Баобао? Шао Ицянь, ты что, совсем глупый? Ты что, не видишь, к чему это ведет?»

Бабушка, ухватившись за перила, поднялась еще на две ступеньки, подняла костыль и замахнулась, с горечью произнеся:

— Скотина! Горе ты мое!

Шао Ицянь закрыл глаза, но вместо удара услышал грохот и крик Янь Яня:

— Тетя!

Он резко открыл глаза и чуть не потерял сознание от ужаса — бабушка вместе с костылем скатилась по узкой лестнице, кубарем докатилась до первого этажа и упала в узком коридоре, не подавая признаков жизни.

Янь Янь, будучи слабым, не смог удержать бабушку и тоже скатился вниз, ударившись головой о дверной косяк с громким звуком, от которого зубы дрожали.

Янь Янь, не обращая внимания на боль, вскочил и, дрожа от страха, стал трясти бабушку, крича все громче и громче.

Папа Шао толкнул Шао Ицяня и быстро спустился по лестнице:

— Разберемся дома!

Вскоре приехала скорая помощь из центральной больницы и увезла бабушку и того парня, которого Шао Ицянь случайно ранил.

Шао Ицянь в растерянности смотрел на хаос вокруг, покачивая головой, и только потом

осознал, что он действительно натворил нечто ужасное.

Не то, что ругал учителя или дрался с одноклассниками, а... ударил человека.

Чего он боялся?

Только того, что однажды самые близкие люди будут смотреть на него, как на воздух, не замечая его присутствия, хотя он будет стоять в комнате, а люди будут проходить мимо, не обращая на него внимания.

Шао Ицянй чувствовал себя обиженным, но в то же время понимал, что сам виноват, и даже не имел права на обиду. Впервые в жизни он ощутил, что такое полное отчаяние, когда ни у кого в семье не было времени даже на то, чтобы отругать его, объяснить, как следует поступать...

<http://bllate.org/book/16843/1549731>